

18+

ОЛЕСЬ ВЕРГУЛЕНКО

Гадости и Сладости

13 жутких историй,
которые лучше не читать

Олег Вергуленко

**Гадости и Сладости. 13 жутких
историй, которые лучше не читать**

«Издательские решения»

Вергуленко О.

Гадости и Сладости. 13 жутких историй, которые лучше не читать /
О. Вергуленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506239-0

Пятнадцатилетний подросток пытается помочь матери-наркоманке избавиться от адской боли. Единственное, что он может сделать, чтобы облегчить её страдания — молиться. Молитва услышана, но парень ожидал совсем другого результата. Рассказ «Услышанный» — прелюдия к десятку маленьких жизней, которые вы проживёте, читая этот сборник. Вы узнаете, что будет, если смерть уйдёт в отпуск, чем опасны слишком живые мертвецы и во что может вылиться откровенная школьная записка. Вам будет жутко интересно.

ISBN 978-5-00-506239-0

© Вергуленко О.
© Издательские решения

Содержание

Услышанный	6
Обманщик	11
Сделка	13
Слишком живые мертвецы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Гадости и Сладости 13 жутких историй, которые лучше не читать

Олег Вергуленко

Редактор Яна Ерина

Дизайнер обложки Ольга Левчакова

© Олег Вергуленко, 2019

© Ольга Левчакова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6239-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Услышанный

Когда мне было 15, я убил маму. Не то, чтобы я был на неё обижен или зол – я даже почти не знал её. Я до сих пор собираю её образ из осколков воспоминаний и он всё ещё не полный. В тот вечер всё вышло случайно: эмоциональное напряжение, спонтанное решение, вера всем сердцем и доля сомнения – всё смешалось в один опасный коктейль. Все были уверены, что она сама «загнала себя в гроб» и никто даже мысли не допускал, что я причастен к её смерти. До сегодняшнего дня. Сегодня вы узнаете правду.

***

Я помню, что она была хорошей хозяйкой. Прекрасно готовила: манку, суп со шкварками и жареную картошку. В начальной школе я с гордостью писал в анкетах, что моя мама – домохозяйка. Хотя, с каждым годом она всё больше походила на безработную. Но всё же самое незапятнанное воспоминание о ней, связано с готовкой.

Мне пять и мы живём в коммунальной квартире в Старом городе. Наша комната ближе всех к входной двери, но дальше всех от кухни. Очень длинный, полутёмный коридор я старался пройти как можно спокойней, но как можно быстрее. Особенно ту его часть, когда, свернув за угол, я уже не видел дверь комнаты, но видел свет, горящий в кухне. Свет в конце туннеля, когда я годы спустя впервые услышу эту фразу, для меня будет представляться именно так.

Я любил молочную манную кашу с расплавленным кусочком сливочного масла в центре тарелки и кусочками хлеба, крошенными в кашу «чтобы сытней было». Но однажды мы переехали к бабушке и мама перестала готовить. Зато я узнал в чём ещё моя мама хороша.

***

– Стоять! – услышал я грубый мужской голос за спиной и почувствовал, как мама слегка сжала мою руку.

Мы остановились и обернулись. К нам подошли двое патрульных.

– Здравствуйте, – с непонятной ухмылкой произнёс тот, что пониже. Его голос был не таким грубым, как тот, что окликнул нас. Он был похож на голос лисы из мультика – добжелательный, но очень страшный. – И что это вы тут делаете?

Его вопрос заставил меня начать сомневаться в правомерности наших действий, хотя мы с мамой просто гуляли.

– Здравствуйте, – улыбнулась мама. – А мы в посадку идём, на шашлыки.

Сказать, что я был удивлён, это ничего не сказать. Я был просто счастлив! Я очень любил, когда мы с родителями, их друзьями и детьми их друзей выбирались в узкую лесополосу за городом на шашлыки. Она казалась мне настоящим лесом, в котором почти невозможно заблудиться. Ведь запах шашлыков невидимой нитью всегда приводил обратно к поляне, на которой были все свои. Но патрульные маме, кажется, не поверили.

– Маловато принадлежностей! – рявкнул тот, что повыше.

– Так нам и не нужно ничего, – не растерялась мама. – У нас всё там уже есть: мясо, картошка, дрова. Мы за солью ходили, а то печёная картошка без соли – не очень.

Честно говоря, на какое-то мгновение и я засомневался в маминых словах. Мы не ходили за солью, она просто подозвала меня во дворе и предложила пройти с ней. Сейчас мы шли через огромный гаражный кооператив, всегда пугавший меня сворой шумных дворняг, в сто-

рону лесополосы. Но в той же стороне находилось печально известное одесское «Палермо», где торговали маковой соломой и готовым раствором из неё.

Мама, жестом фокусника, достала из кармана спичечный коробок и потрясла им, чтобы показать, что там не спички. Мы всегда брали с собой соль в спичечном коробке. Судя по звуку, там были не спички и для меня это было стопроцентным доказательством истинности маминих слов.

– Покажите содержимое карманов... пожалуйста, – сказал патрульный-лис.

– Его тоже? – спросила мама, указывая на меня.

– Нет, только ваших.

– Беги отнеси папе, – сказала мама, отдавая мне коробок с солью. – Скажи, что я сейчас приду.

И я побежал в сторону лесополосы, уверенный, что без труда найду дорогу по невидимой ниточке запаха шашлыков. Оглядываясь назад, я видел, как мама достаёт что-то из карманов, показывает патрульным, затем они прощаются и она быстрым шагом идёт за мной. Патрульные медленно следуют за ней, что-то обсуждая и указывая в мою сторону.

У самой лесополосы я остановился. Ни дыма, ни шума костра или весёлой компании, ни запаха шашлыка не было.

– А где папа? – спросил я, когда мама подошла ко мне.

– Дай коробок, – протянула она руку. – Идём быстрее!

Конечно, никаких шашлыков в тот день я так и не получил. Мы подошли к какому-то дому с редким забором, где я должен был подождать в стороне пока мама обменяет коробок соли на шприц с тёмной жидкостью. А затем мы отправились домой обходной, намного более долгой, дорогой, чтобы не встретить тех же патрульных.

И это лишь один из сотни удачных эпизодов, когда я сопереживал изобретательному нарушителю закона и радовался успеху её проделок. В такие моменты я понимал насколько неисчерпаемой фантазией и актёрскими данными обладает моя мама и был настолько же горд, насколько смущён своей ролью в «спектаклях».

***

Как-то раз, мама устроилась официанткой в бар «Краб». Он был у самого моря, не очень большой, но с огромным аквариумом, отделяющим кабинет хозяина бара от зала, в котором работала мама. Как я был горд, когда узнал, что мама больше не домохозяйка! Каким уважением к ней я был переполнен!

Мне примерно 10 и мне ужасно стыдно, что мои родители не работают. Хотя я продолжал писать в школьных анкетах: «мама – домохозяйка, папа – сварщик». Когда дядя Андрей, мамин брат, привёл нас с сестрой к маме на работу, я уже предвкушал, как напишу в следующей анкете: мама – официантка в баре «Краб». Я представлял, как учитель переспрашивает меня и я гордо отвечаю: «Да, я даже был у мамы на работе».

Нам позволили войти в кабинет хозяина бара и сесть на чёрный кожаный диван. Мама почему-то плакала и пыталась что-то объяснить огромному мужчине, который угрюмо уставился на нас с сестрой. В кабинете было тепло, в отличие от раннемартовского пляжа. Мы, как довольно жёстко воспитанные дети, сидели молча. Дядя Андрей подошёл к широкому, похожему на большого краба, хозяину бара и протянул руку. Тот пожал её своей огромной «клешней», не отрывая взгляда от нас. Затем перевёл его на маму, продолжавшую что-то слёзно объяснять.

Спустя минуту мама подошла к нам, взяла за руки и сделала шаг назад, чтобы мы поднялись с дивана. Мы встали и сделали пару мелких шажков. Мама обошла нас и, присев на диван, обняла, как бы закрываясь от жуткого Крабьего взгляда.

– Вот! Вот мои дети! – продолжила она оправдываться. – Я клянусь их здоровьем, что я ничего не брала.

Она уткнулась лицом в наши плечи и не могла успокоиться. Я ей верил, даже ощущая, как она украдкой сунула в карман моей куртки что-то массивное. Я продолжал испытывать на себе пристальный взгляд огромного Краба, боясь шевельнуться или хотя бы выражением лица выдать мать. Взгляд дяди, всё ещё стоявшего возле Краба, заметался. Секунду он был похож на зайца: скакал от моего обвисшего кармана на мать и обратно, затем на меня, а спустя ещё мгновение, осторожно перебрался на потолок.

Десять минут спустя Краб угостил нас с сестрой соком, а маме пожелал «Не кашлять». А ещё через двадцать минут, когда мы отошли достаточно далеко от маминой, теперь уже бывшей, работы, она попросила меня отдать ей то, что у меня в кармане.

– Вот, – сказал я, протягивая ей жменю леденцов.

– Это что? Откуда?

– Конфеты. У тебя на работе взял. Мы когда сок пили, на столе стояла вазочка и в ней было много таких. Я думал, что можно.

– Можно-можно. Я положила тебе в карман... – мама не договорив присела и стала ощупывать карманы моей куртки.

Затем, быстрым взглядом, обшарила аллею в радиусе нескольких метров от нас. И в заключение, с надеждой посмотрела в сторону «Краба», сканируя каждый освещённый фонарями участок.

– Он скинул его, – заключила мама, обращаясь уже к моему дяде. – Идёмте.

– Что?! Да, как это?!

Андрей небрежно одёрнул меня, развернув к себе, и тоже стал проверять карманы моей куртки. На всякий случай проверил все карманы и грубо спросил:

– Где он?!

– Кто? – промямлил я, мысленно уже готовясь кричать и плакать после первой оплеухи.

– Кошелёк! Я видел как мама положила его тебе вот в этот карман! Где ты его дел?!

– Нет... мама ничего мне не давала... я не чувствовал ничего тяжёлого в кармане... – сопротивлялся я.

Он занёс руку, чтобы дать мне подзатыльник и я зажмурился, втянув шею в плечи.

– Андрей! – окликнула его мама. – Не нужно.

– Не нужно?! – переключился он на неё. – Да, я из-за тебя товарища потерял! Единственного, кто со школы остался. Привёл тебя на работу! Просил за тебя! Отмазывал тебя! И что?! Теперь не нужно!?

Сестра прижалась к маме, обхватив её обеими руками. Мама стояла спокойно, выслушивая камнепад недовольства и обвинений от родного брата. Младшего брата. Я оббежал его и тоже обхватил маму двумя руками в знак своей защиты и поддержки. Я знал, что это вряд ли ей поможет, но мне тоже было очень страшно. Ведь я сорвал «дело». Я решил, что дядя Краб добрый и оставил кошелёк, еле умещавшийся у меня в руке, под столом, за которым мы пили сок.

– Разбирайся с ними сама! – бросил Андрей в заключение, развернулся и быстрым, дёрганным шагом ушёл в сторону трамвайной остановки.

Мама взяла нас за руки и мы медленно пошли в том же направлении. С тех пор мама никогда не работала – она была слишком изобретательна для этого. Она также перестала полагаться на меня, как на поделщика, ведь я учился у неё, а мнение у меня уже пробивалось своё.

***

Я помню, что она могла расплакаться от казалось бы элементарного знака внимания, такого, как покупка ей турецкого спортивного костюма моим только что вышедшим из тюрьмы отчимом. Или могла терпеть нечеловеческую боль, самостоятельно сражаясь с гнойными чирями, размером с яйцо, с помощью лезвия и мази Вишневого. Я любил её, ведь другой матери у меня не было. Но в то же время я ужасно её стеснялся и ещё сильнее завидовал другим детям, тем, кому мамы подарили не только жизнь, но и детство, заботу, ласку...

По крайней мере, последнюю ночь её жизни мы провели вместе: наши кровати стояли буквой «Г» в углу комнаты, в которой больше никто не ночевал. Вот уже третий день мама не выходила из квартиры и почти не поднималась с постели. Она часто и тяжело дышала, громко стонала и иногда бредила, разговаривая с бабушкой, ушедшей год назад. Андрей несколько раз вызывал «Скорую» и пытался сдать её в психлечебницу. Но она приходила в себя, чётко и правильно отвечала на вопросы санитаров и они уезжали.

В тот вечер я пришёл домой позже обычного.

– Почему так поздно?!

– Нууу, мы кино смотрели. Я у Димы был.

Дима – мой друг, живший в соседнем доме. Многие вечера я проводил у него, особенно зимой или в прохладную погоду.

– А чего пришёл тогда? Мог бы там и спать остаться!

Дядя был явно раздражён. Я постоял ещё несколько секунд, не решаясь сдвинуться с места, чтобы не дать повода сорваться на мне. Мы слишком давно живём под одной крышей и парировать его выпады для меня было уже несложно – у меня был отличный и беспощадный учитель.

Туалет, ледяной, очень выборочный, душ, абсолютно пустой холодильник, спать. В комнате было темно и затхло, все окна закрыты. Глаза быстро привыкли к темноте и я рассмотрел мамин силуэт возле одного из окон. Она стояла спиной ко мне, опираясь на подоконник.

– Ругает? – спросила она.

Её голос прозвучал так неожиданно, что я чуть не подпрыгнул. Сколько себя помню, мы разговаривали всего несколько раз.

– Да, ругается.

– Не обижайся на него, это я виновата.

– Та не, я просто поздно...

– Ему страшно... Он всегда так делал с самого детства.

В темноте я мог видеть только её силуэт, но мне показалось, что она попыталась улыбнуться.

– Никогда не плакал и не жаловался, а превращался в такого вот агрессивного ёжика...

– Хе! – чуть не расхохотался я.

Никогда не мог подумать, что кто-то воспринимает моего грозного дядю вот так. Для меня он всегда был суровым и строгим водителем грузовика, с мазолистыми руками и мазутом под ногтями.

– ... он перестанет... – выдохнула она и её голос слегка сорвался.

Со мной такое бывало раньше, когда меня серьёзно пороли ремнём и тут же задавали какой-нибудь воспитательный вопрос: «Будешь ещё так делать?! Будешь?!» Естественно, я отвечал, что не буду точно таким же срывающимся голосом. Там ещё такое ощущение, как будто ком в горле стоит и говорить реально непросто.

Но мама не плакала. Она, опираясь на подоконник повернулась ко мне, и попросила помочь ей дойти до кровати. Я подставил локоть и мы начали нашу последнюю «прогулку».

Прогулку длиной в три шага и несколько мучительных минут. Доведётся ли мне когда-нибудь хотя бы приблизительно понять ту боль, которую испытывала она в те дни?

Несколькими годами ранее, в телепередаче «до 16 и старше» мне запомнился один сюжет: что-то о том, что происходит с наркоманами ровно через 15 лет сидения на игле. Люди кричали, стонали, катались по полу, не в силах терпеть адскую боль – смесь из ломки и поочерёдно сбоивших полусгнивших внутренних органов. В последние три дня этот сюжет разворачивался в моей комнате.

И как тут не задержаться у друга? Как не засиживаться у него до тех пор, пока его мама не начнёт мягко намекать:

– Гости, вам хозяйева не надоели?

Я помог маме лечь и сел на свою кровать. Спать не хотелось, но если не уснуть, то завтра просплю школу и Андрей снова будет злиться. Хотя теперь, когда я знаю наиболее вероятную причину его агрессии, мне больше не будет страшно. Сложив руки, я прошептал молитву «Отче наш», как бы налаживая связь. С каждым словом шёпот становился всё тише пока, наконец, не превратился в голос в моей голове.

«Господи, я благодарен тебе за сегодняшний день, за то, что удалось списать контрольную по математике и за то, что тётя Света сегодня предложила пообедать с Димой. Спасибо, что ты рядом со мной и не позволил Андрею сегодня наказывать меня за опоздание...»

– Мамочка... – донеслось до меня сквозь молитву.

«... Опять бредит. Или бабушка действительно сейчас здесь? Так! Не отвлекаться! Прости, Господи, что я ещё не могу полностью сконцентрироваться на молитве. В общем, я благодарен тебе за твоё присутствие в моей жизни и твою поддержку сегодня.»

С маминой кровати продолжали доноситься стоны и обезличенные обращения. Она то говорила с кем-то, то стонала от боли и, кажется, плакала.

«Прошу, дай мне сил справиться со всеми трудностями... Хотя... лучше помоги, пожалуйста, маме. Дай ей возможность умереть...»

Я резко открыл глаза. Я не мог поверить, что произнёс это, хоть и в мыслях. Я произнёс эти слова в молитве, находясь, как я представлял, в ярком потоке света, уходящем в небо. Я желал этого всем сердцем и это меня напугало. Я зажмурил глаза, пытаюсь восстановить в воображении поток.

«Нет-нет-нет! Я знаю, что ты всемогущ! Помоги ей выздороветь! Помоги ей жить без наркотиков! Помоги...»

Я продолжал фантазировать, но ни одно из последующих слов не откликнулось в моём сердце. Все они бурлили в мозгу, но ни в одно из них я не верил. Кое-как добубнил молитву и лёг спать.

Утро было тихим. Маме удалось уснуть. Я прокрался к двери и уже через десять минут шёл в школу по замёрзшему болоту, покрытому свежим снегом.

«Последний день семестра. Могли бы уже и отменить эту контрольную. Или перенести на следующий год. Сегодня написать бы её нормально и всё будет круто. Вечером у Жемчужникова. Круто, что родяки уехали – устроим расколбас. Желание продумать бы, чтобы в двенадцать загадать.»

Я планировал день и первые дни следующего года ещё даже не подозревая, что прошлой ночью моя жизнь изменилась. Что моя настоящая молитва закончилась гораздо раньше, чем я думаю, что она была услышана и, что мама уснула навсегда. Я узнал об этом на третьем уроке, сразу после звонка, в кабинете номер 49.

– Вергуленко! – подозвал меня историк. – Контрольную можешь не писать. Ставлю четвёрку автоматом. Иди домой, тебя там ждут.

Обманщик

– Ну, как ты вёл себя сегодня?

От его тихого, спокойного голоса у меня комок в животе сжался. Мне – четыре, но я прекрасно знаю, что будет дальше. Все мои вечера одинаковы.

Он приходит с работы, достаёт из шкафа солдатский ремень и вешает его на видное место – широкий, тёмно-коричневый со светлыми трещинками, с большой блестящей пряжкой. На пряжке сияет пятиконечная звезда. Точно такая же на прошлой неделе украсила мою попу. Мама в кухне готовит ужин. Потрепав меня по голове, он уходит к ней. Наверное, они там едят.

А я сижу в комнате наедине со своим кожаным катом. Я больше не могу играть. Я жду. Уснуть – не вариант. Вчера попробовал притвориться спящим в надежде избежать порки, но меня раскусили. Лежал спокойно, не шевелился, глаза зажмурил, почти не дышал. Как он узнал, что я не сплю? Может, заметил, как дрожит моя нога? Но я не мог ни-че-го с ней сделать. Каждый раз, когда я слышу его голос – размеренный и тихий, слишком тихий, чтобы быть безопасным, – ниточка под моим правым коленом начинает слабеть.

Я уверен, что у меня внутри такие же ниточки, как у Бобика, игрушечной собаки на подставке. Если нажать на дно подставки, натянутые в его теле нитки ослабевают, и он падает, словно пытаюсь рассыпаться на части. Но убери палец с кнопки, и он в тот же миг вскакивает, будто учуял кошку. Я люблю играть с ним, быстро нажимая и отпуская кнопку. Создаётся впечатление, что Бобик танцует. То же самое с ниткой в моей правой ноге, словно кто-то то нажимает, а потом отпускает невидимую кнопку на моей стопе.

Затем он возвращается из кухни, садится на диван и задаёт один и тот же вопрос:

– Ну, как ты вёл себя сегодня?

Я что-то отвечаю, но чаще молчу. Мне кажется, что он уже знает ответ, но откуда? Меня учат: «Когда я ем, я глух и нем», то есть разговаривать за едой нельзя. Тогда откуда он знает, как я себя вёл, если они с мамой кушали? Иногда молчу потому, что нитка в моём языке слишком сильно натянута, и он, становясь как палка, совсем не двигается, и вместо слов изо рта высыпаются несвязные звуки. Кажется, что моя сестричка, которая появилась у нас совсем недавно, лопочет резвей меня. Ясное дело, она ведь ещё не знает, как ремень прилипает к попе.

Наверное, именно на попе находится кнопка, отвечающая за натяжение языковой нитки. Ведь уже после третьего, чаще после второго удара язык обретает свою былую гибкость, а голос – звонкость. Я мог бы начинать визжать и с первого хлестка, но нельзя: он считает, что первый удар слабый и не достоин какого-либо звука. Если закричу или заплачу, он решит, что я обманываю, и тогда получу ещё сильнее и больше.

– Плохо... – отвечаю еле слышно и немного присаживаюсь, чтобы перенести вес на правую ногу и заставить её не так сильно дрожать. Кто-то невидимый очень быстро колотит по кнопке на моей стопе. А если он увидит, что я дрожу сильнее, чем «положено», решит, что я притворяюсь. За обман ремень прилипает к попе немного сильнее и на пару раз больше.

Он молча смотрит на меня – что не так? Обычно он встаёт, берёт ремень, складывает его пополам и несколько раз громко щёлкает, сводя и резко разводя руки. Затем я получаю свою ежедневную порцию «за плохое поведение» и иногда небольшую добавку «за враньё». Но он сидит и просто смотрит на меня. Мне уже очень сильно хочется писать. Обычно это желание возникает уже после порки, когда я стою в углу за то, что слишком громко орал.

– Как-как? Плохо? – подался он немного вперёд, от чего мне хотелось вздрогнуть, где-то внутри я и вздрогнул, но снаружи это не было заметно, иначе он мог бы разозлиться и влить затрещину «за враньё». Такие дополнительные затрещины обычно сопровождаются словами: «Что ты дёргаешься?! Я тебя ещё пальцем не тронул!»

Да, сегодня я впервые признался, что вёл себя плохо. А разве есть смысл говорить что-то другое, если он знает, что я вру?

– Да-а, – выдыхаю почти беззвучно и чувствую, как слёзы, готовые политься с момента его прихода домой, начинают сочиться из глаз. Нет! Ещё рано! Нельзя раньше, чем начнёт хлестать ремнём, и станет совсем невыносимо больно. Зачем-зачем-зачем? Теперь точно получу «за враньё». Но этот слезопад уже не остановить.

Он занёс руку, и я зажмурился. Но ни пощёчины, ни оплеухи, ни подзатыльника не последовало. Его твёрдая, мозолистая рука осторожно коснулась моего затылка и потянула меня вперёд. Шаг, другой – и я уткнулся лицом в его плечо. Ещё через мгновение он сжал меня в объятиях, и я разрыдался во весь голос, обхватив его за шею. Мама вбежала в комнату и с недоумением уставилась на нас.

– Зачем ты обманываешь? – прошептал он мне на ухо. – Мама сказала, что ты сегодня вёл себя хорошо.

«Хорошо? Сегодня я вёл себя хорошо? А что изменилось? Мама меня пожалела и обманула папу или я действительно вёл себя хорошо? И как это – хорошо?»

Я продолжал плакать дольше обычного, дольше, чем после ежедневной, вполне ожидаемой порки – то ли от затянувшегося ожидания, то ли от неожиданности, то ли по привычке, то ли от непонимания. Мама напоила меня водой, успокоила и позволила посмотреть телевизор.

Я так и не понял, чем этот день отличался от других, но понял, что я абсолютно ничего не понимаю. Взрослые лучше знают, что можно говорить и делать, а что нельзя. Школьные учителя лучше знают, какие предметы мне пригодятся в жизни. Друзья лучше знают, как знакомиться с девушками, на ком мне жениться и с кем разводиться. Жены лучше знают, на что мне тратить деньги. А люди, сидящие в зале, лучше знают, какой должна быть хорошая книжная презентация...

– Так почему вам так важно, чтобы вам верили? – повторили из зала вопрос, который вернул меня в настоящий момент на презентацию моей первой книги.

«Быть может, потому, что я с самого детства сам себе не верю, и мне очень нужен кто-то, кто бы верил в меня, в мои силы, в мою правоту», – промелькнула мысль, и я на одном дыхании выпалил:

– Если вы не верите мне, то и книгу не купите. А мне очень не хочется везти их в Братиславу...

Дежурная улыбка, удивлённые взгляды.

– По крайней мере, честно. Спасибо.

– Эта неловкая пауза говорит о том, что вопросы из зала не готовились заранее, – я с трудом ещё шире растянул улыбку. – Есть ещё вопросы? Тогда я продолжу...

Сделка

Я отвернулся всего на мгновение, и он утонул в толпе. Волны туристов и местных, празднично шатающихся по Приморскому бульвару, любезно расступались, маяча его удаляющейся макушкой. А потом сомкнулись и словно смыли моего сына из виду.

Шум толпы врывается в сознание обрывками фраз, доносящихся со всех сторон. «Да бесполезно кричать», – жалуется женщина в мобильник. Субботний вечер и впрямь со всех сторон грохочет десятками голосов уличных музыкантов. «Беги давай!» – командует прохожий девочке лет десяти, и та моментально занимает позицию у большого металлического сердца, обвешенного сотней замков. Может, и мне с бывшей стоило скрепить свои узы, повесив здесь символ нашей любви, тогда бы я не гулял сейчас с детьми сам и не потерял бы сына?

Я подхватил дочку на руки и ускорил шаг. Ей – три, и она любит гулять у папы на руках. Сыну – пять, и он постоянно куда-то бежит, прямо как я. В памяти всплывают десятки объявлений с детскими фото и заголовком «Помогите найти». Отмахиваюсь от них и пытаюсь убежать, судорожно шаря взглядом вокруг. «Этого не может быть! Со мной такого не может случиться!» – кричу себе в мыслях и продолжаю бежать.

Весь бульвар позади, на меня с сочувствием смотрит памятник Пушкину. «Дети теряются, всякое бывает, наслаждайся вечером, жизнь ведь пролетает...», – он читает специально для меня написанный экспромт, который слышу только я.

– Знаешь, Пушкин! А не пошёл бы ты в ж#пу! – срывается с моих уст фраза, на которую оборачиваются несколько удивлённых туристов. Я поворачиваюсь к нему спиной, пересаживаю малышку с онемевшей руки на плечи и бегу в обратную сторону.

На Приморском бульваре уже зажглись фонари. Всеобщее безудержное веселье бесит. Сорок минут назад я потерял сына и теперь наматываю круги по бульвару, не в силах принять реальность. Я обратился к патрульным, оставил им описание ребёнка и свой номер, но это, скорей, жест отчаяния, нежели вера в то, что это поможет.

Я уже не могу бежать. С каждым кругом мой шаг замедляется так же, как и сердце. Кажется, что в тот момент, когда я остановлюсь и полностью приму пропажу сына, оно тоже остановится. Но ведь со мной ещё Алёнушка! И я двигаюсь дальше, ненавидя каждую счастлившую физиономию.

Далеко впереди замечаю их. Они, раздавшись на всю ширину центральной аллеи, двигаются мне навстречу. Перед ними все расступаются и спешат убраться с дороги. На соседних аллеях становится тесно. Мне бы тоже не испытывать судьбу – сегодня явно не мой день.

Вспомнил, как год назад молодая девушка отчаянно бросилась мне под колёса, спасаясь от них. Ранним субботним утром я выехал немного развеяться и бесцельно колесил по городу. Песня «Still loving you» в исполнении Sonata Arctica – единственная, с кем я делил тот летний рассвет и пустую дорогу, пока откуда ни возьмись не выскочила она. Не знаю, как я успел среагировать и остановиться.

Моя машина была единственной на всей улице, а она – словно выросла из-под асфальта. Пахло подставой, но я выпустил её в салон и укатил под недовольный рёв их толпы. То был её день, из их цепких рук никто так просто не уходил.

Взять хотя бы моего соседа, за которым я в детстве шпионил. Каждое утро моих летних каникул начиналось с его пьяных скандалов за окном. Но одно я запомнил на всю жизнь.

Его яростный многоэтажный мат в очередной раз сотрясал весь дом. Я на четвереньках подкрался к окну и осторожно выглянул. Огромного мужчину собачьей стаей окружили цыгане. Среди них не было ни одного мужчины, только женщины в многослойных разноцветных юбках и подростки.

Они хватали его за карманы брюк, с силой дёргали и моментально отскакивали в сторону. Карманы поддавались не сразу, но у грабителей было время – на крики соседа давно никто не реагировал. Он метался из стороны в сторону, как загнанный зверь, но не мог дотянуться ни до одной. Стая работала слаженно.

В конце концов его брюки превратились в лохмотья. Всё, что было в карманах, щедро разлетелось по асфальту и было подобрано смуглыми подростками. Он лежал на земле и тяжело дышал. Он уже совсем не сопротивлялся, когда одна из цыганок сорвала с его шеи золотую цепочку.

До того утра я думал, что цыгане могут загипнотизировать и украсть меня, поэтому с ними нельзя разговаривать. После я был уверен, что им ничего не помешает просто засунуть меня в какой-нибудь мешок и увезти далеко-далеко, туда, откуда я никогда не вернусь. Поэтому к ним нельзя даже приближаться. Мою уверенность подпитывала бабушка, предостерегая, чтобы я никогда не уходил со двора. И я, конечно же, уходил, но цыганский радар работал у меня отменно. Всегда.

Последний поворот на соседнюю аллею за спиной. На меня надвигается пёстрая стена цыганских женщин с детьми. Ловлю любопытные взгляды с боковых аллей. Кто-то снимает на камеру телефона. Я продолжаю идти прямо по центру аллеи. С каждым шагом мои внутренности всё больше сжимаются в комок, их словно засасывает маленькая чёрная дыра внутри меня.

Я потерял сына! Только задень меня!

До столкновения десять шагов. «Ещё не поздно развернуться и обойти, это всю жизнь спасало. Они беспощадные и им ничего не будет, их даже не найдут». Но я не слышал самого себя. Я осознанно шёл на таран. Я потерял сына! Я заслуживаю наказания!

Пять шагов! Встречаюсь взглядом с самой крупной из них. Она чуть ниже меня и намного шире. Она – неоспоримый авторитет, она наверняка щёлкает таких как я одним взглядом. Но не сегодня! Смотрю сквозь неё и продолжаю идти вперёд. Чёрная дыра в моём животе превратилась в точку, вокруг неё лишь вакуум. Я готов ко всему.

Три шага... Два...

Цыганка отводит взгляд и отступает в сторону. Следом за ней, как по команде, расступаются все остальные. Они огибают меня, даже не касаются, я словно Моисей, перед которым расступилось море.

Чёрная дыра в моём животе слегка увеличилась, выпуская мои внутренности на волю, но тут же схлопнулась, едва не засосав всего меня. За табором семенил мой малыш, беззаботно болтая с цыганской девочкой его возраста. Я остановил детей и ощутил, как мою спину пронзают десятки чёрных глаз. Обернувшись, я увидел не женщин, а свору, готовую накинуться на меня по одному сигналу.

Мне некуда деваться, снова я его не потеряю. Я взял сына за руку и приготовился отбиваться ватными ногами, мутной головой, кусаться, но не выпускать детей из рук. Откуда-то из толпы донёсся скрипучий крик на непонятном мне языке, и цыганская малышка, что-то шепнув моему Казанове, присоединилась к своим.

– Ты хоть понимаешь, что я тебя искал? – сдерживая комки слёз в горле, спросил я.

– Я тоже тебя искал, а девочка сказала, что отведёт меня к тебе.

Я до сих пор не знаю, как правильно относиться к цыганам, почти все они меня настораживают. Но однажды они вернули мне сына, забрав взамен мой самый сильный страх.

Отличная сделка! Больше таких не нужно.

Слишком живые мертвецы

– Папа, это что, настоящие зомби? – мой четырёхлетний сын уставился на троицу, рыщущую в кустах по ту сторону небольшого пролива.

Я наблюдал за этими дружками уже несколько минут и не заметил, как он подошёл. Саша, мой старый знакомый, ещё минуту назад сидевший рядом со мной на скамейке, куда-то испарился.

– Нет, малыш, это не зомби – дядькам просто очень плохо.

– А что они ищут? – не унимался ребёнок.

– Я не знаю, малыш. Они просто в прятки играют, как вы. Ты всех уже нашёл? Кто водит? – сменил я тему.

– Я всех нашёл, и я пить хочу.

– Вот, пей и беги играть. Через полчаса – домой.

Несколько старушек, выгуливающих своих внуков на той же площадке, запричитали, и я увидел, что нежеланные гости рыщут у самого моста. Детская площадка располагалась на небольшом островке, и этот мост был единственным входом и выходом. Я встал со скамейки, демонстрируя старушкам свою готовность защитить детскую площадку, и продолжал наблюдать.

Как только хоть один из них сунется на мост, я должен буду их остановить. Может, конечно, и стоило уже сегодня познакомить сына с этим явлением? Возможно, это даже имело бы хороший эффект и прочно засело бы в его детской головушке, но я пока не готов. Я пытался оттянуть этот момент как можно дальше, чтобы защитить своего ребёнка от этой стороны реальности и подарить ему ещё немного сказочного детства, которого не было у меня.

– Я – зомби! – раздался за спиной детский голос, и малышня с радостным визгом кинулась врассыпную.

Вот тебе и сказочное детство – они ещё не все умеют как следует говорить, но уже играют «в зомби».

А ведь сегодня всё так хорошо начиналось: прекрасный солнечный денёк, моя бывшая без скандала и манипуляций отпустила сына со мной погулять. А потом этот велосипедист как с неба свалился. Рухнул на том самом месте, где сейчас копошится эта стрёмная троица. Поднялся, отряхнулся, с минуту повозился со своим велосипедом, помахал мне и умчался. Зачем он мне помахал? Заметил, что привлёк моё внимание и дал знать, что всё в порядке?

Я оглянулся и увидел мужчину моего возраста, сидящего на скамейке с раскрытым журналом. Он был в тёмных очках-авиаторах, поэтому я не сразу понял, смотрит он меня или в журнал.

– Это он вам? – спросил я. – Не знаю, – ответил мужчина. – Чудик какой-то!

Значит, всё же смотрел на меня. Голос знакомый, трудно вспомнить, но точно знакомый. Возможно, мы не виделись много лет, но если я его узнал, то и он меня тоже. Подошёл, присел рядом, молчим.

– Олег?

Точно! Как же я сразу его не вспомнил?!

– Саша? – спрашиваю, чтобы убедиться на все сто. – Сколько лет! – снимает очки и расплывается в улыбке.

Крепко жмём руки, похлопывая по плечам. Действительно, я рад его видеть после более чем пятнадцатилетнего перерыва. «Как жизнь? Чем занимаешься?» – болтаем, как старинные друзья без малейшего намёка на тот день, когда мы с ним виделись в последний раз – день моей первой и последней охоты на «живых мертвецов».

***

В тот день мы с Сашкой встретились в условленном месте за пределами нашего двора, несмотря на то, что жили в одном подъезде. Никто не должен был видеть нас вместе. Хотя кто нас мог увидеть в субботу в шесть утра? Условие пустяковое для такого важного дня. «Наконец-то Сашка познакомит меня со своими крутыми друзьями», – вертелось у меня в голове. Чтобы попасть в их компанию, мне нужно было пройти испытание – «замочить живого мертвеца».

Раньше я и не думал, что мёртвые могут быть живыми. Нет, я, конечно, прочитал «Вия» Гоголя, когда учился в шестом классе, то есть полтора года назад. Сашкина рекомендация, как всегда, пришлась мне по вкусу. Именно тогда я понял, что «Ночь перед Рождеством», как и большая часть школьной программы, – откровенные сказки для детворы. А «Вий» – вещь серьёзная, для взрослых. Но тоже выдумка, этакая страшилка для ночных посиделок у костра.

А недавно я посмотрел по кабельному совсем новый фильм «Ночь живых мертвецов». И в моём списке опасностей, помимо войны с Америкой, нашествия диких крыс и темноты, поселились «живые мертвецы».

Мы с Сашкой прошли школьный стадион, несколько дворов за ним и вышли к бесконечной стене гаражей. Я прекрасно знал это место. За этим гаражным кооперативом – железная дорога, лесополоса, за ней – поля и знаменитое одесское «Палермо», которое порядочные люди обходили десятой дорогой.

– Ты с этим дрыном очень стрёмно смотришься, – покосился Сашка на огромную палку, которую я гордо нёс, словно это был рыцарский меч, и которая придавала мне невероятной уверенности. – Сделай хоть лицо попроще. И прекрати постоянно оглядываться – палишься жутко!

Мы свернули вправо. Если обойти гаражи и «Палермо» с этой стороны, то за полчаса можно добраться до «Северного» кладбища. Где-где, а уж там мёртвых предостаточно. Неужели кто-то из них может оказаться живым?

Шли молча. Сашка вообще был не очень болтлив, и от этого порой казалось, что он старше меня не на год, а как минимум на три. Если к этому добавить его пренебрежительное отношение к своим одноклассникам из нашего двора, которых я воспринимал, как равных, то разница ощущалась лет в пять, не меньше.

Он то ускорял, то замедлял шаг, словно проверяя мою бдительность. Один раз мне даже пришлось перейти на лёгкий бег. Я не должен был отставать и тем более оказаться хотя бы на шаг впереди. Я должен быть рядом и немного позади него. Слушать, что скажет, делать, что скажет, не перечить – такова была цена дружбы с Сашкой.

Я всё думал о Сашкином предупреждении и о своей клятве хранить всё в секрете.

С одной стороны, это была одна из множества безобидных тайн, которые делали меня немного взрослей. Такая же, когда мы ещё в начальных классах вместе «изучали» женскую анатомию по учебнику Сашкиного брата-старшеклассника. Когда оборудовали себе «местяк» в подвале и стали собираться там, чтобы рассказывать страшные истории и играть порнографическими картами. Когда слушали «Сектор газа» и «Красную плесень», песни которых на три четверти состояли из мата, и по полкуплета держали сигаретный дым в лёгких. Неужели все эти тайны так и не сделали меня взрослым?

С другой стороны, я ещё никогда никого не «мочил». Никого, кроме крыс прошлым летом. Вот ведь мода была – по подвалам и по мусорникам на крыс охотиться. Так мы делали наш район чище. Сашка сказал, что с мертвецами то же самое – только вреда от них больше, а потому и пользы от такой охоты тоже больше.

Мы прошли по мосту над железной дорогой. Проезжавший состав одним своим командирским гудком заглушил дружное щебетание сотни птиц и драку своры бездомных собак. Сашка без предупреждения сорвался с места и побежал в противоположную от кладбища сторону. Помешкав долю секунды, я побежал за ним. Отстать нельзя – я же не слабак.

Сашка бежал очень быстро, как будто за нами гнались эти самые бездомные собаки. Хотя, когда мы в последний раз убегали от сторожевых собак на стройке, я был намного впереди. Наверное, всё дело в палке. Метровая палка толщиной с моё запястье превратилась в бревно. Бежать с нею было неудобно и с каждым шагом всё тяжелей. Но через минуту такой гонки я увидел, как Сашка нырнул в кусты и, не думая, последовал его примеру. Проскочив сквозь густую, зелёную стену, я остановился. Сашка испарился.

– Сядь! – услышал я шёпот за спиной и моментально упал на корточки. – Это... чтобы не пас... никто, – пояснил Сашка.

Мы просидели в кустах несколько минут. Отдышавшись и убедившись, что слежки нет, пошли дальше. Теперь мы почему-то шли в противоположную от кладбища сторону.

«Наверное, чтобы никто не пас», – мысленно объяснял я себе.

Сашка похлопывал по ладони деревянной дубинкой, которую он достал из тайника в кустах. Она была похожа на короткую бейсбольную битку со свинцовым стержнем внутри. Я заметил, что ряд насечек подбирается к середине дубинки. Сколько их там? Двадцать? Тридцать?

– Тридцать шесть! – заявил Сашка, словно прочитал мои мысли. – Тридцать шесть кимариков замочил!

Я несколько раз кивнул в знак восхищения, хоть и не понял, почему он назвал мертвецов «кимариками». Может, он сказал «комариков», потому что они пьют кровь, как вампиры? Нехилые комарики, размером с человека.

С каждым шагом мне становилось всё тревожней. Был ли это страх перед мертвецами или я боялся провалить испытание – я не понимал. Но и выдавать свои эмоции было неразумно, да и поздно.

Мы углубились в лесополосу и стали пробираться вдоль неё, прислушиваясь к каждому шороху, лаю собак, доносившемуся с «Палермо», треску сухих веток под нашими ногами. Мы крались, словно охотники, словно герои боевика «Рэмбо. Первая кровь» – единственной книги, прочитанной этим летом, которой, к сожалению, не было в школьном списке литературы.

Мне нравилось представлять себя крутым героем, я мечтал быть взрослым, сильным и смелым. Собственно, за этим я сюда и шёл – побороть свой страх, попасть в крутую взрослую компанию, стать героем, защищая мир от нечисти. Фантазии глушили тревогу. В них я продирался сквозь глухие джунгли, кишачие опасными хищниками и живыми мертвецами. Тут реальная опасность вокруг, некогда обращать внимание на внутренний трусливый скулёж.

Остановились. Притаились в кустах. Впереди лесополоса ровно разрезана линией высоковольтных проводов. Разрез шириной в несколько десятков метров. Прямо по центру, словно шрам на коже, протоптана узкая тропинка. По ту сторону послышался сигнальный свист.

– Все тут уже, – сказал Сашка. – Скоро начнётся.

Я огляделся.

– А они оттуда не могут прийти? – кивнул я в сторону гущи деревьев, видя, как внимательно Сашка вглядывается куда-то вдаль, совершенно игнорируя тыл.

– Нет. Они всегда по этой тропинке ходят, – не оборачиваясь, сказал Сашка. – Сейчас самое время.

«Мертвецы с привычками? Странно». Я, как обычно, промолчал.

Прошло несколько безмолвных минут, за которые я чуть было не забыл, зачем мы притаились сюда в такую рань. Где-то далеко просыпался город, а я никак не мог усыпить тревогу в своей груди. Не срабатывали ни уговоры, ни попытки отвлечь мысли чем-то другим. Солнце

только-только начало выглядывать из-за высоток и легко касалось верхушек деревьев. В другой ситуации я бы точно начал писать стих, такой же тихий, как это утро. Но сейчас рядом со мной был Сашка, в глазах которого такой порыв наверняка вызвал бы смех.

– Погнали! – сказал Сашка и уверенно вышел из укрытия, похлопывая дубинкой по бедру.

С противоположной стороны вышли ещё четверо, все заметно старше Сашки. Теперь ясно, откуда он так много всего знает о взрослой жизни, откуда у него порнографические карты и ментоловые Могe целыми пачками. Теперь я был точно уверен, что все его рассказы, какими бы фантастическими они мне ни казались, были, скорей всего, правдой.

Петля хихикающих и улюлюкающих подростков медленно затягивалась вокруг шаркающего по тропинке «мертвеца».

– Опа! Красава! – воскликнул Сашка. – А я то думал, никогда тебя не встречу.

Я остановился в нескольких шагах от тропинки. Я знал этого «мертвеца». Когда-то он часто приходил в гости к моим родителям. Они оставляли меня с сестрой смотреть телевизор, а сами закрывались в другой комнате, из которой спустя несколько минут начинало разить ацетоном. Я не знал его имени, почти не помнил его лица, но его шевелюра, словно рыжий одуванчик, моментально всплыла в памяти.

В нашу последнюю встречу он угостил меня и сестру леденцами на палочках, а через полчаса его увезла машина скорой помощи. Я прекрасно помню всю эту суматоху перед приездом скорой.

– Неси ложку! Ложку неси! – командовал папа. – Переворачивай... держи язык... звони в скорую... убирай всё... окна открой...

Мама носилась по квартире с лицом ребёнка, пойманного на краже конфет, которому вот-вот влетит. Бледная и растерянная настолько, что мне сразу стало понятно – случилось что-то страшное. Поэтому мы с сестрой не показывались из комнаты, словно ничего не происходило, словно мы совершенно ничего не понимали, словно нас вообще не было до тех пор, пока Одуванчика не вынесли на носилках люди в белых халатах.

С тех пор я не видел его шевелюры, а в квартире больше никогда не пахло ацетоном. Я решил тогда, что он умер. Но сейчас он выглядел слишком живым. Конечно, он больше не был похож на одуванчик, скорей, на дикобраза с давно немытыми, слипшимися иголками. Впалые щёки, выдвинутая вперёд, слегка отвисшая нижняя челюсть, землистая кожа, на которой было не видно больше задорных веснушек – он выглядел плохо, но был живым.

Он, словно муха, неосторожно севшая на каплю жидкого мёда, выдавливал из себя каждый короткий шаг, каждое затяжное, словно в замедленной съёмке, движение. И совсем не открывал глаз. Удерживать равновесие на ходу ему было непросто. Поэтому каждые несколько шагов он замирал и начинал медленно опускаться, будто сползая по невидимой стене, принимая самые невероятные позы. Вскидывался, делал ещё несколько размеренных шагов и снова погружался в очередную асану.

Сашкин унижительный пинок под зад вернул «мертвеца» к жизни.

– Ну что, нарком! Добегался?! Помнишь меня?! – орал Сашка. – Это тот козёл, который у нас вещи с верёвки украл, – сообщил он остальным, обведя всю компанию взглядом и на мгновение остановившись на самом рослом парне.

Тот был абсолютно спокоен и даже слегка весел. Его взгляд не метался в поисках поддержки и одобрения, а его дубинка, казалось, состояла из одних лишь насечек. Его авторитет в компании был неоспорим, его главенство было не просто видно – я ощущал его кожей. Он коротко взглянул на меня, как вождь на новобранца, и словно забыл.

– Ооооо, – угрожающе, в один голос протянула орава, которую я уже про себя называл «охотниками на мертвецов».

Мне очень хотелось примкнуть к этому важному и полезному течению. Они были как пионеры, в ряды которых я так и не попал в пятом классе, оставшись вечным октябрёнком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.